

Ли Вэньцинъ в два счёта доел последний рис с тарелки, потянулся и подвинул её в сторону Ли Чжи.

Ли Чжи, как обычно, отложил палочки, встал, отодвинув стул с резким скрипом, и, наклонившись, стал собирать пустые бамбуковые цилиндры со стола. «Всего на несколько лет младше», — равнодушно бросил он.

Линь Чаошэн, видя, что Ли Чжи перестал есть, удивился: тот почти не притронулся к еде. Ему стало неловко есть слишком много, и он тоже встал, чтобы помочь убрать.

Ли Чжи поднял глаза, слегка удивлённо взглянул на него: «Я сам».

«Пусть Сяо Чжи убирает», — поддержал Ли Вэньцинъ.

«Кстати, Сяо Линь, когда планируешь уходить?» — спросил Ли Вэньцинъ. Он был прямолинеен в общении, и его слова прозвучали так, словно он торопил гостя.

Ли Чжи, привыкший к манере отца, добавил: «Дорога слишком скользкая, не стоит торопиться».

«Да-да, опасно, — подхватил Ли Вэньцинъ. — Вчера вечером, спускаясь, я несколько раз чуть не упал».

«Сам знаешь, что опасно?» — с глухим стуком Ли Чжи швырнул пустые цилиндры в мусорное ведро и сердито глянул на отца, наконец дав выход накопившемуся за ночь раздражению.

Ли Вэньцинъ рассмеялся: «А если в дождь кто-то на горе застрянет — разве не опаснее?»

«Опасностей везде хватает, ты за всеми не уследишь. Может, в Сирию поедешь миротворцем?» — Ли Чжи, уже неся посуду на кухню, не удержался от колкости.

«Я бы не отказался», — Ли Вэньцинъ продолжал улыбаться. «Что с тобой сегодня, опять пороху нюхнул?»

Линь Чаошэн, сидя на диване, начал было беспокоиться, не поссорятся ли они, — ему, постороннему, было бы неловко. Но, прислушавшись, успокоился: хоть разговор и звучал напряжённо, по-настоящему зол был лишь Ли Чжи, так что до ссоры вряд ли дойдёт.

Ли Вэньцинъ, заметив серьёзное выражение лица Линь Чаошэна, догадался, о чём тот думает, и улыбнулся, стараясь выглядеть поприветливее. Он завёл с Линь Чаошэном непринуждённую беседу: мол, Сяо Чжи человек тихий, неразговорчивый, спортом не увлекается, может целый день в комнате просидеть. Слова звучали как ворчание, но сквозь них явно проступала снисходительность.

Тихий? Не похоже. Линь Чаошэн краем глаза заметил, как Ли Чжи высунулся из кухни, услышав это, беззвучно скривился, закатил глаза и скрылся обратно.

Линь Чаошэну вдруг захотелось рассмеяться. Он почти ничего не знал о Ли Чжи, но решил превознести его мастерство в колке дров.

«Обычно ленивый, шевелиться не любит, только сегодня расстарался», — Ли Вэньцинъ рассмеялся и добавил: «Сяо Линь, может, сегодня останешься? По прогнозу, дождь продолжится».

«Всё ещё идёт?..» — Линь Чаошэн собирался уйти до полудня, но теперь засомневался.

«А может, и перестанет. Разве прогнозы когда-нибудь сбываются?» — Ли Чжи вышел из кухни. Голос его звучал ровно, будто он просто констатировал факт, но чувствовалось, что он нарочно противоречит отцу.

«...» — Линь Чаошэн поспешил сменить тему. «Подождём. Если к полудню будет дождь — останусь».

«Ладно, тогда вы развлекайтесь, а я пойду немного посплю», — Ли Вэньцинзнь поднялся. «Сяо Чжи, своди его к себе в комнату».

Неужели его вправду считают ребёнком? «Извините за беспокойство», — с лёгкой неловкостью сказал Линь Чаошэн.

«Какое там беспокойство», — махнул рукой Ли Вэньцинзнь и удалился вздремнуть.

Стены и потолок в комнате Ли Чжи были выкрашены в густой чёрный цвет. Освещение — приглушённое, холодных тонов, с лёгким синеватым отблеском, что создавало разительный контраст с тёплой, уютной гостиной, обставленной в основном красным деревом и отделанной в традиционном стиле. Открыв дверь в комнату Ли Чжи, будто попадаешь в иное измерение: только что был в горном домике — и вот уже перенёсся в мир научной фантастики.

«Круто», — не сдержал удивления Линь Чаошэн, переступив порог.

«Да нормально», — Ли Чжи наклонился и открыл маленький холодильник у ножки стола. «Напиток хочешь?» — достал две банки красной газировки.

«Спасибо», — Линь Чаошэн принял банку, с шипением открыл её. «В детстве я тоже хотел покрасить всю комнату в чёрный. Рассказал маме — получил нагоняй».

«Ха-ха, моя бы тоже отругала», — Ли Чжи тоже открыл свою банку. Углекислота бурно вырвалась наружу. Он запрокинул голову, кадык задвигался, и он сделал несколько глотков.

Линь Чаошэн перевёл взгляд с миниатюрного зелёного холодильника на остальное. Комната была просторной, но вещей в ней стояло немного, и всё было расставлено очень упорядоченно, отчего казалось даже пустовато.

Места больше всего занимали кровать и громоздкая штукавина на балконе — белый телескоп-рефрактор. Линь Чаошэн заметил его сразу, как вошёл. К разъёмам было подключено несколько чёрных кабелей разной толщины, ведущих к системному блоку компьютера.

Справа на балконе стоял серый металлический книжный шкаф, холодноватый и строгий.

На верхних полках ровными рядами стояли книги, рассортированные по темам. В нижней части, за стеклянными перегородками, лежали камни самой причудливой формы. Ничего особенного в них вроде бы не было, но, видно, Ли Чжи их очень ценил.

Линь Чаошэн бегло пробежался глазами по верхним полкам. Некоторые книги привлекли его внимание: «Введение в астрономию», «Современная астрономия», «Общая астрономия», а ещё несколько по физике.

«Ты астрономией занимаешься?» — не удержался от вопроса Линь Чаошэн.

Почти каждый, кто в школе неплохо разбирался в точных науках и обладал любопытством, в детстве мечтал стать астрономом. Линь Чаошэн не был исключением. Его мечта разбилась в тринадцать лет. В автосалоне, где работал его отец, был магазин телескопов. Проходя мимо, он загляделся на витрину с разнообразным оборудованием и мельком увидел описания и ценники. «Celestron, рефлектор, 3500». Тогда Линь Цзинье работал в автомастерской и получал чуть больше трёх тысяч в месяц. Линь Чаошэн постоял у витрины и молча ушёл. Потом... потом он просто забыл об этом.

«Сейчас — да. В бакалавриате я учился на физика, — Ли Чжи на секунду задумался. — Это учебники, которые остались с тех пор, жалко было выбросить».

«Ты... уже не студент?» — с сомнением спросил Линь Чаошэн. Ему казалось, что Ли Чжи — его ровесник, максимум второкурсник или третьекурсник.

«Я так молодо выгляжу?» — уголки губ Ли Чжи дрогнули. «С сентября — магистратура».

«А», — кивнул Линь Чаошэн, но внутри был удивлён. Ни за что не скажешь.

Несколько дней назад, заполняя документы для поступления, он тоже думал об астрономии. Но только думал. Интерес был, но не настолько, чтобы посвятить этому жизнь. Вселенная казалась ему слишком далёкой.

Сделав пару глотков, Ли Чжи поставил банку на компьютерный стол. Линь Чаошэн проследил за его движением и увидел на чёрном столе фотоаппарат, а рядом — экваториальную и азимутальную монтировки. Сам он был лишь любителем-дилетантом в астрономии, и другие, более сложные приборы, опознать не смог бы.

«Астрофотографией увлекаешься?»

«Нет, — Ли Чжи покачал головой и взял в руки фотоаппарат. — Купил, да почти не пользуюсь. Пробовал — не моё».

В последние годы электронная индустрия стремительно развивалась, светосильная оптика и широкоугольные объективы подешевели, и теперь их могли позволить себе многие любители. Снимать звёздные треки и Млечный Путь стало просто. На фотографиях Вселенная уже не казалась такой недоступной, как в эпоху до информационного бума.

Ли Чжи снимал и звёздные треки, и Млечный Путь — попробовал, и хватит. Сейчас этим занимаются многие, а особых талантов в этой области у него не было. Если хотелось полюбоваться снимками — в интернете полно работ профессиональных фотографов, куда красивее его.

Тогда он попробовал взяться за съёмку глубокого космоса — туманностей. Но результаты не радовали. Для таких съёмок нужна длительная выдержка, это отнимает время и силы, часто приходится снимать с ночи до рассвета. А исходные кадры получаются размытыми, с едва заметными световыми пятнами, и только сложная обработка позволяет превратить их в красочные изображения туманностей. Стоило где-то ошибиться — и на экране оставалась лишь белая пустота, а все ночные усилия шли прахом.